

Зоя Квитка

16+

Тридцать тактов в стиле блюз

Зоя Квитка

Тридцать тактов в стиле блюз

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Квитка З. В.

Тридцать тактов в стиле блюз / З. В. Квитка — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта книга не о музыке, но она музыкальна и читается, "как по нотам". Каждая глава в ней - просто еще один такт импровизации в стиле блюз. Сюжет романа основывается на нескольких тематических линиях - прошлое главного героя, Джадда, переживания из-за трагической гибели жены Брук вплетаются в его настоящее и в неожиданном свинге трансформируются из темы скорби, печали и чувства вины в новую "мелодию", разоблачающую ложь, интриги, преступления и человеческие пороки.

Квитка Зоя

**ТРИДЦАТЬ ТАКТОВ
В СТИЛЕ БЛЮЗ
2018**

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.wallpaper.com/uploads/wallpapers/2013/03/24/60554/889e7114c621e240c2fbb0b88fdbdabd.jpg>

– Уже открыли книгу? Значит пора начинать. Ну, с чего там обычно начинаются основательные, серьезные книги? Дайте-ка подумать...

С предисловия, которое многие просто... Ну вы знаете, о чем я.

Нет, нет! Не спешите, Читатель, перелистывать эту страницу... Это не пролог – это просьба. Маленькая, значительная просьба.

Прежде, чем приступить к чтению, закройте глаза и послушайте блюз.

Какой? Ой, ну вы об этом лучше расспросите Чака Берри, Би Би Кинга, Мадди Уотерса, а если повезет, может вам сам Дюк Эллингтон ответит или великие блюзмены отзовутся хором.

Это книга не о музыке, но она музыкальна и читается, "как по нотам". Каждая глава в ней – это просто еще один такт импровизации в стиле... Да вы уже поняли в каком.

Хватит прелюдий, время Музыки!

А потом непременно возвращайтесь, да поскорее, ведь уже НАЧИНАЕМ!

Утро началось проливным дождем, смывшим запланированные дела. Ливень наращивал темп, заштриховывая все вокруг водянистой, разбавленной до прозрачности, краской, расчищал улицы от прохожих, размазывая старательно наведенные линии их нарядов и причесок, гнал прочь нарочитость, выталкивая ее напором стихийности, естественности.

Брук стояла у окна, наблюдая за ломаными движениями струй воды, сбегавших по стеклу, расплывающихся капельными портретами необычных существ, быстро сменяющих друг друга, словно они жили в ускоренном времени и, потому, торопились заглянуть в комнату, старались успеть увидеть создание из плоти и крови, прежде, чем ветер и солнце сотрут их собственные черты.

Я лежал в кровати, не подавая виду, что проснулся и разглядывал профиль Брук. Мы были женаты..., кажется, двенадцать лет. Я не очень люблю такие подсчеты, поскольку они всегда не точны. Ну разве был я с Брук все двенадцать лет рядом? Разве не отлучался на работу, командировки, вылазки в горы с друзьями? Разве мои мысли не блуждали в тех далеких даях, где для моей жены не находилось места? В конце концов, сон тоже нужно было вычестить из суммы лет и что же, в таком случае, оставалось? Какая-то капля, совместно проведенного времени, также быстро испаряющаяся, как и дождевая. Так что мне тоже стоило поспешить заглянуть в "окно" настоящего, чтобы застать его, не упустить.

Брук, видимо почувствовав мой взгляд на себе, оторвалась от созерцания и, повернувшись, слегка улыбнулась мне, но, тут же, улыбка скрылась за набежавшими на ее лицо тучами недовольства, словно она подражала погоде.

– Наша поездка отменяется, – с досадой в голосе сказала она. – Надо же было выбрать именно этот день! Когда теперь еще представиться такая возможность?

– Когда-нибудь обязательно представиться, – сказал я, пытаюсь успокоить жену, но мой ответ только еще больше раздражил ее.

Она стала наэлектризовываться. Разочарование меняло заряд на гнев.

– Понятное дело, – едва сдерживаясь, проговорила Брук, – тебе плевать! Я так ждала этого дня, – наращивая динамику продолжала она, – а оказалось, что такому важному событию может помешать, какой-то... с ... дождь!

Брук накалилась окончательно, лучше ее было оставить в покое и я поспешил в ванную.

"Она слишком много значения придает этой регате", – думал я, стоя под душем.

Брук никогда раньше не интересовалась яхтами и тут, вдруг, стала тренироваться, добиваться участия в гонке, но больше всего меня обеспокоило то, что она на прошлой неделе заявила, что прекращает многолетнюю врачебную практику. Я не узнавал ее. Вспышка гнева, ругательство – это была не моя Брук. Я твердо решил поговорить с ней, вызвать на откровенность.

Я застал жену в кухне. Она варила кофе и напевала мелодию, которая показалась мне знакомой, но я не мог вспомнить, где слышал ее раньше.

Остановившись в дверном проеме, опасаясь спугнуть идиллическое мгновение, я любовался Брук, возможно, впервые, по-настоящему, увидев ее.

Легкий, шелковый пеньюар был немного тесноват ей и обтянул так, что были видны, уже слегка искаженные временем, линии тела. Я пробежал взглядом от хрупких, худеньких щиколоток, вверх, по изгибу ягодиц, спине и остановился на шее, а точнее, на маленькой впадинке между шеей и головой.

Волосы она небрежно заколола на затылке и эта, вызывающе обнажившаяся, выемка, почти всегда задрапированная занавесом каштановых волос, возбудила страстное желание, которое поманило меня к Брук.

Я подошел тихонько сзади и обнял ее за талию. Она провернулась в моих руках, как балерина, выполняющая вращение и порывисто чмокнула в щеку, а затем выскользнула из объятий, оставив висеть на моем указательном пальце тонкий шелковый пояс от пеньюара.

Я остался так стоять, поглаживая машинально гладкую ткань, пытаюсь справиться с неудовлетворенным желанием и ощущением нависшей угрозы.

– Брук, нам пора поговорить, – наконец выдавил я из себя и повернулся к столу.

В кухне никого не было.

– Брук! – крикнул я, но никто не отозвался.

На столе стояла одна чашка кофе. Я прошелся по дому, но жены не нашел.

Наконец, я дернул дверную ручку ванной комнаты. Дверь открылась, но там никого не было. Мой взгляд растеряно шарил по всем углам и точкам, пока не выхватил одинокую зубную щетку в стаканчике – мою зубную щетку.

Я выглянул в окно. Ярко светило солнце. Весна была в разгаре. Уже вторая весна без Брук.

I

Я позвонил другу – психотерапевту.

– У меня снова галлюцинации, – забыв поздороваться выпалил я.

– Джадд? – удивился тот. – Я сам собирался звонить тебе. Приезжай немедленно.

Допив холодный кофе и добавив к груде невымытой посуды еще одну чашку, я направился к доктору Вилфорду Гиббсу.

Мне предстоял неблизкий путь по невероятно красивой дороге, окруженной с одной стороны хвойным лесом, с другой – невысокими горами.

Мы с Брук долго искали жилище в уединенном, живописном месте, подальше от шумного города и вот, несколько лет назад, наконец, арендовали дом в небольшом городке, который скорее можно было назвать деревушкой. Она располагалась в долине реки, которую местные жители поэтично называли Лунной.

До центра города, куда ежедневно нам с женой приходилось ездить на работу, было около десяти миль. Преодоление этого расстояния, почти всегда, насыщало меня ощущением изменчивости и, в то же время, непреходящей красоты природы.

Ранним утром, если позволял запас времени, я останавливал машину и мы с Брук выходили полюбоваться пейзажем.

Сейчас, по дороге к Вилфорду, я вспомнил один из таких моментов, вспомнил, как Брук, замерев, любовалась пиком горы, спрятавшимся в седом облаке, словно великан, примеряющий напудренный парик; вспомнил, как жена обратила мое внимание на нежные, утренние солнечные лучи, рассеивающиеся золотой пылью, подсвечивающие и окутывающие волшебной дымкой каменного гиганта, превращающие грузность в легкость и воздушность, суровую неприступность – в призрачность, на короткое, хрупкое мгновение, украшая и смягчая земляные цвета проходящим полутонем.

Я тогда не слушал ее реплик восхищения, обдумывая предстоящую сделку, но сейчас вспомнил слова Брук, будто они осели на дно моей памяти до более подходящего момента, когда я стал способен их расшифровать.

"Я тоже жду момента, который сможет вот так же растворить мою тяжеловесность, окаменелость и облако моих мечтаний сможет выпариться наружу, примет форму, станет видимым", – сказала мне она.

От этих слов до последнего ее выдоха пролегал всего один крутой поворот, одно молчаливое мгновение, в котором каждый из нас витал в своих мыслях, был сам по себе, пребывал в уверенности, что грядет бесчисленная череда совместных дней и в какой-то из них, непременно, удастся быть ближе друг другу, чем сейчас.

Вилфорд поджидал у входа в больницу. Он не хотел принимать меня у себя в кабинете, как пациента, и мы направились в небольшой ресторанчик, в котором раньше я, Брук и наш друг, часто встречались в обеденное время.

Вилф выглядел встревоженным. Лицо его было напряженно, он ни разу не улыбнулся, пресек все мои попытки заговорить с ним в машине, а когда мы подошли к ресторану, то велел мне выбрать столик у окна, осмотреться, а сам остался ждать на улице.

Я осторожно оглянулся назад и не увидел ничего, кроме ряда таких же столиков, за которым сидел сам. В дальнем уголке зала, несколько столов были заняты мирно жующими людьми, а хорошо знакомые официанты, с застывшей на лице безразличной вежливостью, почти бесшумно, скользили по натертому до блеска полу.

Я не понимал чего хочет от меня Вилф. Его поведение раздражало. Я махнул рукой, чтобы он зашел.

Когда Вилфорд сел напротив, я не выдержал и выпалил:

– Ты ведешь себя, как старый параноик. Объясни, что происходит?!

– Джадд, я получил позавчера очень странную посылку... Даже не знаю... Ты только постарайся не спешить с выводами.

– Ты уже достал прелюдиями. К делу! – потребовал я.

К нам подошел официант и рассказ пришлось отложить, выбирая блюда. Я не мог дождаться, когда он уйдет. Вилфорд очевидно тоже, потому что, как только мы остались одни, он подался вперед и зашептал:

– В коробке был младенец. Точнее, муляж недоношенного ребенка, эмбриона, с соблюдением всех пропорций и деталей. Он выглядел так, будто его только, что извлекли – в крови и слизи.

– Что бы это значило?

– Если бы я знал, Джадд, но ты дослушай. Я работаю с психами и сделать это мог, какой-нибудь мой бывший пациент, но... – он остановился на полуслове и уставился на вилку, которую машинально вертел в руке.

Я почувствовал, что мне лучше помолчать и дать ему возможность поймать призрачную догадку или, может быть, найти логичное объяснение этой чудовищной выходке.

Принесли заказанные блюда. Вилфорд очнулся, наконец, и отправив ломоть ростбифа в рот, не дожидаясь пока он будет дожеван, невнятно продолжил:

– Это только начало истории. Почти одновременно с посылкой пришло сообщение... Вот оно. Прочти, – он протянул мне свой телефон и я, пробежав глазами по скупой, короткой строчке, зажмурился от необъяснимой тревоги, дернувшей меня изнутри.

"54'15'13"с.ш.04'41'35"з.д."

Я поспешил задать координаты в поиск навигатора, но Вилфорд нетерпеливо махнул на меня рукой и сказал, что уже знает, что это за место и попросил пока не отвлекаться от рассказа.

– Как! Это еще не все?! – воскликнул я каким-то чужим, сдавленным, очень высоким голосом, выдав, тем самым, игру противоречий, начавшуюся во мне. Самое неприятное было то, что я уже тогда смутно представлял, что же все таки победит и боялся сознаться себе в этом.

С одной стороны, вмешательство, кого-то неизвестного в мою жизнь, рождало ощущение насилия, агрессии, внушало страх и желание спрятаться (я говорю в мою жизнь, потому, что после того, как я мельком взглянул на карту и увидел мигающую красную точку на хорошо знакомом мне месте – стало очевидно, что я тоже в "игре"), с другой – мне так осточертела монотонность дней, что несмотря на предчувствие опасности, возникал еще и сладковатый вкус наслаждения ею.

Вилфорд посмотрел на меня испытующе (профессиональная привычка) и продолжил немного сдержаннее прежнего:

– За мной следят, Джадд. Вчера меня преследовал один тип, даже не пытаюсь скрыть это. Он намеренно шел за мной по пятам, так, чтобы я видел. Я начал петлять, затем, резко повернулся и пошел ему навстречу. Он, поравнявшись со мной, задел меня плечом, на мой возмущенный взгляд ответил подмигиванием и, пока я соображал, что делать дальше, этот следопыт зашел в кондитерскую, а я смог лишь увидеть через окно, как качнулась волна очереди, в которую он явно попытался влиться.

Наверное я слишком бесцеремонно глазел, позабыв о приличиях. Томящиеся в очереди люди стали поглядывать на меня и, вдруг, над их головами, словно вынырнувший из глубин корабль-призрак, поднялась рука, с растопыренными пальцами и помахала мне. Это он мне еще и помахал, наглец. Мне вдруг стало так страшно, что я поспешил убраться оттуда. Я не шел и не бежал, я едва ли успевал переставлять ноги так быстро, как велели мне дурное предчувствие и страх.

– Чего ты так испугался? Почему не узнал, что ему нужно? – спросил я, стараясь скрыть интонацию упрека и осуждения, но Вилфорд даже не слышал этих вопросов.

Он повертел головой на все стороны, пока не убедился, что вокруг нет ничего подозрительного и продолжил дальше:

– Домой я не пошел. Решил переночевать у Флер. Ее компания меня успокоила и я, прокручивая события вновь и вновь, заметил одну деталь, ускользнувшую от меня, – он медлил с продолжением истории и меня это выводило из себя, но я не торопил его, инстинктивно опасаясь узнать эту важную подробность.

Мне вдруг показалось, что именно эта часть рассказа будет наиболее болезненной для меня и Вилф, похоже, думал также.

Неожиданно мой друг сильно побледнел, его взгляд перестал настороженно блуждать по залу, остановившись где-то за моим левым плечом. Я хотел обернуться, но он пнул меня ногой под столом и прошептал:

– Не оглядывайся!

– Кто там?! – спросил я, но вместо ответа получил еще один болезненный пинок по щиколотке.

– Тише, прошу! Сделай вид, что идешь к барной стойке. Увидишь его за столиком, позади нашего.

Я встал и, задвигая за собой стул, как бы невзначай, бросил взгляд назад, через плечо.

Молодой человек, сидящий за столиком, на который указал Вилф, смотрел на меня в упор, а перехватив мой взгляд, ухмыльнулся, как мне показалось, довольно ехидно.

Мне ничего не оставалось, как отвернуться и направиться к стойке, но на полпути я вдруг передумал и, сделав крутой разворот, пошел прямо к преследователю. Я намеренно не смотрел в сторону Вилфорда, зная, что он начнет сигнализировать мне, чтобы я передумал, отступил.

Доктор Вилф привык быть осторожным и в каждом видел потенциального психопата, поэтому людям не доверял. В общении с незнакомыми или плохо знакомыми это выражалось, как чрезмерная деликатность, словно он нащупывал в темной комнате выход, опасаясь наткнуться на острый угол или неуклюже задеть ценный предмет. За долгие годы практики, мой друг научился здорово ориентироваться в потемках человеческой психики. Я же, чаще всего, действовал необдуманно, безрассудно, прыгал в "поезд" прежде, чем выяснял куда он направляется.

Я подошел к парню и, довольно громко, так чтобы мог слышать Вилф, спросил:

– Кто вы и что вам нужно?

– Назовите хоть одну причину, почему я должен сообщать вам это? – парировал он подчеркнуто спокойным, холодным тоном.

– По той причине, что вы следите за нами, – подстраиваясь под его фальшивую бесстрастность, флегматично произнес я.

– Я зашел перекусить, как и многие присутствующие здесь люди, вы мешаєте мне и если вы не справитесь со своей паранойей, я буду вынужден...

– Простите моего... пациента, – услышал я голос Вилфорда у себя за спиной. – Я доктор, – добавил он, многозначительно подмигнув этому нахалу. Затем, Вилф взял меня под локоть, больно впился пальцами в предплечье и вывел на улицу.

– Ты псих и полный идиот, – обреченно, сдержанным тоном заключил Вилфорд и, не выпуская моей руки, повел подалее от ресторана, все больше ускоряя шаг.

– Отпусти, – взбунтовался я, как только мы скрылись за углом, где оставили машину и преследователь уже не мог нас видеть в окно.

– Джадд, нам необходимо закончить разговор, – стиснув зубы и заметно раздражаясь сказал Вилфорд. – Договорим у меня в кабинете.

– О, нет. В больницу я не поеду. Тем более к тебе в отделение...

– Джадд! – произнес Вилф таким тоном, что я понял – мое ребячество и упрямство выглядят нелепо, но я все же попытался их оправдать:

– Там все напоминает о Брук, понимаешь...

– Тем лучше, – сухо ответил мой друг, словно я был его пациентом, не более.

Видно было, что Вилфорду сейчас не до моих капризов и я повиновался ему.

II

Брук сидела на самом краешке стола и курила. Окно ее кабинета было распахнуто настежь и звуки улицы, не встречая преград, безудержно носились в пространстве, становясь частью жизни тех, кого смогли случайно задеть. Что-то привлекло внимание Брук. Она до предела вытянула шею и подалась вперед, но разглядеть, что происходит снаружи, так и не удавалось, тогда она встала и выглянула в окно.

Я полулежал на безобразном, жестком, офисном диване, стоявшем напротив письменного стола и ждал Брук, чтобы вместе ехать домой. Она не спешила уходить. Все делала

медленно, придумывала какие-то дела, которые непременно нужно завершить сегодня, теперь же просто стала глазеть в окно.

Я терпеливо ждал, но надолго меня не хватило. Я тоже подошел к окну и, обняв жену сзади, деланно жалобным тоном попросил ее поторопиться.

Она не слушала меня, увлеченная тем, что происходило во внутреннем двореке больницы. Тогда и я решил взглянуть, что же такого интересного там происходит, тем более, что голоса становились все громче, а по интонациям, можно было безошибочно определить ссору.

Как только я попытался высунуться наружу, чтобы получше все рассмотреть в сумерках, Брук внезапно заторопилась, закрыла окно и нежно взяв меня за руку, потащила к выходу, напевая мотив песенки, которую мы придумали, как очень интимное, тайное послание, которое можно было отправлять друг другу даже в присутствии посторонних. Стоило только промурлыкать незатейливый мотив или заговорщицки шепнуть на ушко несколько строк и становилось приятно и тепло от того, что внезапно мы оказывались наедине, на расстоянии интимной близости.

Невольно я стал мычать себе под нос эту песенку, когда мы с Вилфордом подходили к ее кабинету. Возле двери я замедлил шаг. Мне захотелось войти туда и увидеть Брук, сидящей на краешке стола.

– Ты говорил, что у тебя снова галлюцинации? – спросил Вилфорд, запирая нас изнутри, в своем кабинете. – Не хочу, чтобы нам помешали, – ответил он на мой вопросительный взгляд.

– Да. Это снова повторилось. Тот же день, те же слова, одежда, позы. Не могу вспомнить, что она мне ответила тогда..., но знаешь, возможно не стоит называть это галлюцинацией, может мне это снилось и я не сразу сумел отличить сон от реальности?

– Это даже не важно, – перебил меня Вилфорд. – Психически здоровый человек, условно конечно, видит в течении дня, как минимум, два-три видения, но называет их как угодно, только не галлюцинациями. Тут дело не в том, что твои воспоминания настолько реалистичны, что ты готов ощутить их физически, а в том, что ты утратил важную часть воспоминаний и наша цель, восстановить недостающий эпизод. Спешить не будем. Гипноз и так во многом помог, но слишком часто подвергаться ему не стоит. Будет лучше, если ты перестанешь бояться галлюцинаций и вместо того, чтобы бежать от них, ругать себя и пытаться их заблокировать, "досмотришь", так сказать, до конца. Это тем более важно, в сложившейся ситуации.

– Ты считаешь, что это связано с Брук?

– Скажи, ты что совсем не узнал этого парня?

Я помедлил с ответом, припоминая его лицо и вынужден был отрицательно покачать головой.

– Я тоже не сразу сообразил, где раньше его видел. Помнишь, я сказал, что вспомнил важную деталь? Так вот. Брук знакомила нас с ним однажды. Это было в яхт-клубе. Мы собирались прокатиться на остров..., – Вилфорд оборвал фразу, увидев выражение моего лица.

Воспоминание проявилось четкой, яркой картинкой. Я увидел погожий день, нашу яхту, Флер, фотографирующуюся с Вилфом в обнимку, Брук, непрестанно приветствующую незнакомых мне людей. Я вспомнил, как меня это раздражало, злило. Она казалась такой счастливой, приветливой и открытой с ними, какой со мной никогда не была. Я переставал узнавать мою жену, когда она оказывалась на палубе яхты и превращалась в "капитана" судна. Мне казалось, что она обнаружила в себе, скрытую ранее, силу, которая напрочь вытесняла меня и ей приходилось, пока что, размещать меня, где-то отдельно от себя, в довольно тесной камерке с табличкой – "Комната прежней Брук". Так, те вещи, которые пока не решаются выбросить, потому, что глядя на них, еще возникает мысль, что они могут пригодиться, относят на чердак. Я оставался в этой комнатушке добровольно, радуясь редким визитам любимой женщины. Я видел, что пока она не решалась выбрать между своей старой и новой версией и рассчитывал на выбор в свою пользу, но... Как же бесплодны все ожидания. Действительность всегда ока-

зывается в конфронтации с ними и одерживает победу, с которой нам только и остается, что считаться.

– Вижу, что ты вспомнил, – прервал ход моих мыслей Вилф.

– Да, но я лишь однажды подал ему руку, так формально, когда Брук представляла его мне и совершенно не помню ни его имени, ни вообще, что либо еще о нем...

Вилфорд посмотрел на меня с подозрением и, поразмыслив, произнес с присущей ему осторожностью:

– Когда Брук прощалась с ним... Мне показалось, что он ей что-то положил в карман ветровки. Вот эту деталь я имел в виду и еще, Брук конечно заметила, что карман потяжелел, но виду не подала. По ее лицу пробежала судорога. Мне показалось, что она испугалась, но, я мог и неправильно интерпретировать нервное напряжение. Тогда мне было это не очень интересно.

– Что ему может быть нужно? И при чем тут недоношенный ребенок?

– Указанные координаты ведут...

– Я видел, – нетерпеливо прервал я друга. – Кажется, пора навестить наш островной домик.

– Это может быть опасно. Вдруг это ловушка и от нас только этого и ждут.

– Вот и выясним.

– Ты всегда был безрассудным. Обещай мне, что отложим поездку, хотя бы до выходных...

– Но это еще три дня!

– Вот именно! Я попытаюсь выяснить, кто этот парень.

– Завтра поедем в яхт-клуб вместе.

– Только обещай вести себя сдержанно.

– Ладно. Выпускай меня. Мне давно пора появиться на работе. До завтра.

III

Вечером, подходя к двери своего дома, я почувствовал себя жалким и ужасно потрепанным. Хотелось чьей-то компании, но единственный, кто мог мне ее составить был далеко и сам находился не в лучшей форме, так что, я переступил порог, преодолевая жалость к себе.

Я закрыл входную дверь на все замки и постоял немного в темноте, не решаясь включить свет, который, тут же, проявил бы, заштрихованный сейчас полумраком, беспорядок и пустоту.

Пока я так стоял, закрыв глаза, мне показалось, что я провалился в разверзнутую пропасть, но не лечу вниз, а только наблюдаю, как очень медленно и плавно, кто-то очень похожий на меня опускается на дно. Тут же, мысли сделали крутой разворот и я увидел себя наполовину высунувшимся из окна кабинета Брук и в точности, как будто я стоял и слушал этот разговор сейчас, вспомнил ссору, происходившую под окном, за которой она наблюдала и от которой поспешила отвлечь мое внимание.

"Ты отказываешься?" – глухо, явно сдерживая слезы, говорил женский голос. "Только не натвори глупостей!" – предупреждал мужской голос с нотками раздражения и интонацией, выдающей желание быстрее закончить этот неприятный разговор. "Я испугалась, я не хотела его сейчас... Это не вовремя" – последовало оправдание, прорываясь сквозь задушенные рыдания.

"Ты бы сама не приняла такое решение! Кто тебе подсказал?!" – переходя на крик допытывался мужчина. "Я сама..." "Врешь! Еще и врешь! Кто убил его? Кто?!" "Он бы родился больным" – неожиданно низким и спокойным голосом отвечала женщина. "Я не верю тебе! Ты говоришь так, чтобы оправдать себя, свой эгоизм! Больше не хочу тебя видеть! Скажи только, какой врач решился это сделать без моего согласия и, главное, кто тебя надутил?"

Очевидно в этот момент Брук закрыла окно, потому что больше мне не удалось ничего вспомнить, но и этого мне показалось достаточным, чтобы связать ссору с посылкой, полученной Вилфордом. Догадка пробила меня судорогой нетерпения и паники. Я поспешно достал телефон из кармана и набрал номер Вилфа. Он не ответил.

Я машинально щелкнул выключателем, зажег свет, больше не мучаясь приступом одиночества. Теперь, чтобы я ни делал, мои мысли, так или иначе, крутились вокруг этой истории и их компания отвлекала меня от переживаний о моей осиротелой жизни.

Я занял себя работой, которая не мешала размышлениям – мыл посуду, делая это машинально. Струя воды, ласково облизывающая мои руки, утихомирила поток мыслей, а затем и вовсе разбрызгала их как попало.

Внезапно передо мной возникло еще одно воспоминание. Оно вынырнуло из глубоких глубин, спонтанно, и я впервые почувствовал, именно почувствовал, как, наконец, испытывают то, о чем до этого просто знали понаслышке или думали, что знают. Так вот, я ощутил природу всех воспоминаний.

Эти посланники времени давно презрели своего отправителя и могут доносить порученные им письма, не взирая на хронологический почерк времени и датировку, выцарапанного на памяти, послания. Будучи однажды стерты более свежими записями, они неожиданно проявляются хорошо знакомым орнаментом, в котором замысловато соединяются линии старости с детством или вычурная завитушка объединяет в общий ритм узора, сегодняшний день с тем, который пролетел незаметно много лет назад, а теперь возродился запахом, звуком, картинкой, словом.

Я вспомнил себя маленьким мальчиком, лежащим в темной комнате. Моя бабушка гасит свет и нарочито строгим голосом приказывает больше не болтать с моим двоюродным братом и Вилфом, также приехавшими у нее погостить. Каждый из нас собирается нарушить приказ и мы с нетерпением ждем, когда она, наконец, закроет дверь. Я перед сном подрался с ребятами за место на большом, новом диване и, выиграв поединок, теперь испытываю двойное удовольствие от победы и соприкосновения моего тела с мягкой, бархатистой тканью обивки.

Но в этом месте абсолютного блаженства, какое бывает только в детстве, воспоминание сделало крутой вираж и я увидел себя, ухаживающим за смертельно больной бабушкой, лежащей на том самом диване в предсмертной агонии, в корчах от боли, а затем, обмякшую, застывшую, мертвую.

Я ни разу не вспоминал ночь своего детского "триумфа", пока просиживал у постели больной, я позабыл, как мы тянули жребий или дрались за возможность провести на мягком красавце целую ночь, каким желанным и нарядным был диван, который превратился в стонущего, скрипучего старика, едва ли выдерживающего свою не менее старую ношу.

Зачем же сейчас "гонцы" доставили мне эту весточку?

"Интересно, – подумал я, – если бы я только знал об участии этого дивана, разве стремился бы занять на нем место? Так может и сейчас не стоит вмешиваться в эту темную историю?"

Но этому сомнению суждена была участь назойливой мухи и, отмахнувшись от него, я перезвонил Вилфорду. На этот раз он взял трубку.

– Я еду к тебе, – скороговоркой выпалил Вилфорд, не дав мне произнести ни слова и отключил телефон.

Ожидание раскачало мои нервы словно маятник, с каждой минутой, увеличивая амплитуду и равно пропорционально замедляя ход времени. После звонка прошло десять минут, но мне казалось, что Вилф намеренно медлит, интригует, что он уже мог бы быть здесь. Я метался по дому, как, обезумевшее животное, из меня выскакивали бранные слова, которыми я выстреливал в пространство темного окна, ожидая увидеть там отблеск фар.

Наконец, я заставил себя остановиться у окна и принял решение не отходить от него пока не увижу машину Вилфа.

Сад, подсвеченный фонарями, пустая дорога и ряд сутулых елей вдоль нее, были невыносимо спокойны, неподвижны. Скованные прозрачностью воздуха, они, недвижимые, только и могли, что смотреть на меня с чувством превосходства, демонстрируя завидное самообладание.

Наконец, по серой, застывшей полосе дороги скользнули два луча-разведчика, а за ними, важно скалясь бампером, показался автомобиль, но я не узнал в нем машины Вилфорда и хотел было уже отойти от окна (мне надоело торчать там, напрягая зрение и слух), как увидел, что авто притормаживает возле моего дома. Я решил дождаться, кто же выйдет из машины. Водительская дверь открылась и оттуда показалась изящная женская ножка, а затем и вся Флер.

"О! – подумал я, – Зачем он ее притащил за собой?", – но Флер закрыла машину и направилась к моей входной двери совершенно одна.

– Вилфорд уже здесь? – не поздоровавшись, буквально ворвавшись в прихожую, спросила Флер.

– Нет еще. А ты...

– Он не знает о том, что я буду у тебя. Признаться, я очень старалась опередить его. Слушай, времени у нас не много до его приезда. Я должна сказать тебе... Брук просила меня держать это в секрете, но я... Видишь ли... Эта история с мертвым младенцем... Вилф сказал мне... Брук тоже шантажировали. Последнее время она очень сильно нервничала из-за этой истории, даже собиралась бросить работу, но когда поняла, что это не решит проблему и спрятаться не удастся...

В дверь позвонили.

Я так напряженно вслушивался в каждое слово, сказанное Флер, боясь растерять кусочки рванного рассказа, что не услышал, как подъехала машина Вилфорда. Такой долгожданный Вилф, теперь сильно огорчил меня, явившись так рано и так не вовремя.

– Привет! – усталым, хриплым голосом поздоровался Вилфорд.

Он заметил Флер, успевшую прошмыгнуть в гостиную, выглядывающую теперь из-за угла и, кажется, даже не удивился. Вилфорд спокойно снял пальто и, глядя на меня сказал:

– Хорошо, что все в сборе. Мне удалось кое-что узнать.

Флер опустила голову и прошла к креслу, стоявшему в самом дальнем углу комнаты. Она забралась в него поглубже, поджала под себя ноги и принялась тщательно расправлять то пряди своих огненно рыжих волос, то подол платья, так, чтобы якобы укрыть свои колени, но как мне показалось, чтобы найти причину не встречаться взглядом с Вилфордом.

Вилф, не обращая на нее внимания, рухнул с размаху на диван и тут же обмяк, растекся по нему, приняв вальяжную позу.

Я сел на пол, так, чтобы видеть обоих и поторопил Вилфорда с рассказом.

– Итак, что ты узнал? – спросил я и покосился на камин. Мне вдруг показалось, что там мелькнула тень – тень Брук.

– Лет пять назад, ко мне привезли молодого человека, – начал Вилф. – Он был в ужасном состоянии. Несколько раз пытался покончить с собой. После очередной такой попытки родители и привезли его в клинику. Они описывали его поведение и, если бы я пристально не наблюдал за парнем в этот момент, можно было бы утверждать, что он проявляет все признаки шизофрении. Но он сильно отличался от привычных мне шизиков – был чересчур спокоен, участвовал в разговоре, смотрел прямо мне в глаза, в общем, вел себя, как почти нормальный. Я говорю почти, потому, что до сих пор помню, какое впечатление произвел на меня взгляд его бледных, серых глаз. Они смотрели безучастно, будто их на время переставили, из кого-то другого, и теперь они вынуждены были пристраиваться к новому лицу, отражать чужие мысли, играть роль, но, при этом, не было ощущения, что парень не осознает это. Не знаю, как бы это

вам объяснить, – Вилфорд впервые, со времени своего визита, надолго задержался взглядом на Флер, но та поспешила отвернуться от него и взглянула на меня. Я почувствовал ее взгляд, но не ответил, продолжая смотреть на Вилфа, посылая ему сигнал продолжать.

– Так вот, – повел Вилф рассказ дальше, – было ощущение, что он придуривается, но страх, боль и сбивчивые показания обоих родителей были неподдельными. Я поместил Вэнса Линдсона у себя в отделении и, в скором времени, он стал моим основным пациентом. Остальных пациентов я практически забросил, потому что он... Вэнс, завладел мной.

Я допустил много ошибок в лечении, так как его случай совершенно уникален, – Вилфорд помолчал, явно что-то напряженно обдумывая.

Флер, воспользовавшись паузой, упорхнула в кухню, поставить чайник, а мы остались сидеть в слабо освещенной гостиной. Флер просила без нее рассказ не продолжать, поэтому мы сидели молча. Каждый из нас сторожил свои догадки, чтобы они не смогли убежать. Я продолжал обдумывать историю с абортom и причастность к ней Брук, вспоминал ее печальное лицо, нехарактерную для нее раздражительность, которая удивляла меня. Теперь я сопоставил и понял многое, но почему она ни слова не сказала мне. Она врала мне долгое время. Мое самолюбие было уязвлено и саднило так, что я не мог думать о чувствах Брук, которые она испытывала из-за нависшей опасности, давления ответственности, шантажа... Нет, все это меня не сильно волновало. Я злился на нее, чувствовал себя обманутым и высчитывал, как долго она водила меня за нос. В конце концов, я довел свои размышления до того, что вся наша совместная жизнь с Брук, показалась мне фарсом.

Вернулась Флер с подносом дымящихся чашек, который она несла очень бережно, стараясь не разлить.

Вилфорд вскочил, чтобы помочь ей и когда она передавала ему поднос, скользнул по ее руке пальцами, проявив, наконец, к своей подруге внимание, от чего у Флер, невольно вырвался вздох облегчения и на лице наметилась улыбка, которую она еле сдержала уголочками рта. Это было молчаливое примирение двух влюбленных, желающих скрыть размолвку от посторонних глаз и, скорее всего, они оба считали, что им это удалось, но сила притяжения мгновений, мощнее всех человеческих желаний, намерений и помыслов и потому, я посмотрел ни куда-нибудь еще, а в подходящий момент заметил соприкосновение наших жизней в этом скрытном, скупом жесте.

Мы переместились за маленький кофейный столик и теперь сидели гораздо ближе друг к другу, от чего тон рассказчика стал доверительнее и мягче.

-У Вэнса был полный букет психопатологий, – продолжил Вилфорд, но я не мог с полной уверенностью диагностировать шизофрению. Он был коммуникабелен, порой, вполне нормален, но иногда у него случались припадки такого бешенства, что приходилось надолго изолировать его в "одиночку" и пичкать лекарствами.

Однако, такие приступы были редки и большую часть времени он проводил, общаясь с обслуживающим персоналом, особенно с Улирс, Мэри Улирс – медсестрой. Он сумел убедить ее в своей нормальности, в том, что родители упекли его в психушку намеренно.

Я видел их вместе все чаще, но решил не вмешиваться, полагая, что эта симпатия может помочь выздоровлению Вэнса. Я совершенно не подумал о девушке и, даже, когда застукал их занимающимися любовью в палате, не предпринял попыток поговорить с Мэри. Она сама пришла ко мне, когда поняла, что беременна от Вэнса. Мэри хотела уточнить его диагноз и узнать не передастся ли болезнь ребенку.

К тому времени я достаточно подробно изучил болезнь Вэнса и собирался поделиться наблюдениями, исследованиями и открытиями на предстоящем симпозиуме...

– Это был прорыв в изучении шизофрении, – воскликнул я, – ты же тогда получил...

– Когда я получал эту награду, в это же самое время, Вэнс делал шаг в пропасть, так что давай не будем об этом... Вернее будем, но не сейчас... Так вот! Я предупредил Мэри, что Вэнс

в их семье такой не один и, что скорее всего, это наследственная патология, но утверждать это очень рано. Тем не менее, девушка пришла в отчаяние, к тому же, родители Вэнса настаивали на том, чтобы я уволил Улирс и, так как возразить было нечего, пришлось сделать это – за связь с пациентом, так что... Она упростила меня. Я отвел ее к Брук, на аборт.

О моем участии в этом деле Вэнс не знал, но он выбил из Мэри признание в том, кто сделал ей аборт. С того момента, как эта наивная дурочка рассказала ему о ребенке, а затем избавилась от него, Вэнсу стало гораздо хуже, но несмотря на это родители забрали его из моей клиники, по понятным причинам.

Опубликовать материалы своих исследований я решился только через год после выписки Вэнса. Как только я вышел из конференц-зала мне позвонили из полиции, сказали, что нашли тело Линдсона. Оказалось, что опознать его останки некому. Мать и отец Вэнса были мертвы. Говорят, мать умерла через несколько месяцев после печальной истории с Мэри, а отец... Помните я сказал, что Вэнс не один такой в семье Линдсонов? – мы с Флер утвердительно кивнули, – Отец долго скрывал от всех, что тоже болен шизофренией. Он уважаемый человек, профессор университета и тут такое...но мне удалось вызвать мать на откровенную беседу. Ради успешного лечения сына, она призналась, что отец бывал неуправляем и его припадки с трудом удавалось скрывать от коллег и соседей.

У Вэнса болезнь проявилась довольно поздно. Мать до последнего надеялась, что ему не передастся недуг по наследству, но, увы... В общем, ее сердце не выдержало. Да-да. Я говорю вам, как врач. Она умерла от горя.

– А что отец? – спросила Флер.

– После смерти жены, он стал много пить, пытаюсь подавить тревожность и депрессию алкоголем. Его нашли коллеги. Он лежал на письменном столе, в своем кабинете, с перерезанным горлом. Конечно, первый, кто попал под подозрения, был Вэнс. Его искали и через день нашли труп на дне ущелья Дэлирэнс. Когда восстановили всю информацию из его телефона, то нашли там мой номер и вот... Дальше вы все знаете.

Я хотел забыть эту историю, но, зная, что это невозможно, старался хотя бы не говорить о ней. Когда Флер созналась мне, что они с Брук скрывали, – он запнулся, но, тут же, метнув пронизательный взгляд на Флер, а затем на меня и поняв, что я не удивлен, а значит уже в курсе, как он и предполагал, Вилф продолжил: – Я сопоставил текущие события с прошлыми и, как бы мне не хотелось, они ловко связываются друг с другом, хотя многое еще предстоит выяснить.

Наступила тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов, старательно подчеркивающих пунктиром сказанное.

– Нам пора ехать, – робко, с полувопросительной интонацией в голосе сказала Флер.

Вилфорд встал и направился к выходу. Он выглядел подавленным и растерянным. Флер явно не терпелось уйти. Она буквально впрыгнула в туфли и нервно махнув мне рукой, на прощанье, посеменила к машине.

Вилф прикрыл за ней дверь, пробурчав что-то о сквозняке и принялся обматывать шею шарфом. Он машинально перебрасывал конец шарфа себе за спину, делая виток за витком, пока краешек не становился совсем коротким и шарф, как сжатая до предела пружина, разматывался обратно, заставляя Вилфа повторять все заново.

Когда он стал делать это в третий раз, я не выдержал и громко окликнул его. Друг взглянул на меня с возмущением, будто я оторвал его от важного дела, а затем произнес фразу, которая еще долго потом крутилась у меня в голове, не давая уснуть. Он сказал, глядя куда-то мимо меня:

– Знаешь, человек все время стремится к серым будням, при этом утверждает, что мечтает о праздничной встряске. Он не допускает, что самая большая трагедия может произойти именно с ним и все время уговаривает себя (откуда только такая уверенность), что с ним-то,

как раз, этого не случится. Считает, что кошмар, болезнь или просто неприятности, непременно кончатся и настанут, наконец, привычные, спокойные, ничем не примечательные дни, от которых он вновь, как только сотрутся ощущения от пережитых злоключений, будет ныть и желать ярких событий, но, почему-то, вкладывая в понятие насыщенности жизни только что-то очень хорошее и, главное, будет гнать прочь мысль о том, что лучшее, что могло быть, уже произошло. Человеку кажется, что он все время только приближается к пиковой точке свершений и ждет от будущего все большего счастья, не замечая, как эти самые точки, оставаясь незамеченными, несоединенными с линией судьбы, накапливаясь, образуют собственную, так сказать альтернативную, длинную кривую, уходящую в небытие.

IV

Уснул я под утро. Будильник прокашлялся виброзвоном, а потом запел голосом Билли Холидей: *"I'll be seeing you... In all the old familiar places..."*

Тяжелые веки не хотели подниматься. Я решил дослушать любимую песню до конца, тем более, что текст теперь звучал так актуально, будто был написан специально для меня, но ведь песни, книги, стихи, фильмы только тогда и становятся любимыми, когда попадают с нами в резонанс.

В конце концов, я заставил себя одернуть одеяло и встать. Немножко пошатываясь в такт музыке, я допел вместе с Билли две последние строчки: *"Твой образ в утреннем солнце и в ночи, я смотрю на луну, а вижу тебя"*, – и отправился в ванную.

Прохладный душ смыл сонливость, но не сумел столь же легко растворить липкую массу размышлений, вопросов и опасений.

Я зашел на убранную, в кои-то веки, кухню, и залюбовался порядком, наведенным Флер.

Выстроенные в ряд тарелки в сушилке, поблескивали золотистым краем, словно лампасами парадной формы, чашки гордо выпятили вперед вымытые брюшки, а рядом с ними, как начищенное и сложенное грудой оружие, красовались вилки и ложки. В этот момент я дал себе одно из тех обещаний, которые, из-за общедоступности выполнения и ничтожности, по сравнению с благородными, добрыми, похвальными поступками, человек забывает или с легкостью отказывается от них, пользуясь тем, что, кроме него самого, о взятых обязательствах никто не знал и, уговорив себя, что это дела поважнее чинят препятствия на пути элементарной самодисциплины, снова накапливает мелкие неприятности или заботы, чтобы потом давать себе зарок больше не допускать подобное.

Я пообещал больше не доводить дом до запущенности.

Преображенная кухня подзадорила изменить утренней привычке пить кофе. Я заварил крепкий чай и пил его не спеша, с церемониальностью, давая терпкости, как следует пропитать язык и нёбо. Каждый глоток разливался приятным теплом по телу, усыпляющим тревожность. Так, я выехал на работу вполне бодрым и успокоенным мыслью о предстоящей послеобеденной поездке в яхт-клуб с Вилфом, где надеялся получить порцию проясняющих фактов.

Почти каждый день я проезжал поворот, где случилась авария. Вначале, когда впечатления были совсем свежими я старался проехать это место побыстрее, но сбежать не удавалось. Моя память упорствовала, делала длительную остановку на месте происшествия, вновь и вновь восстанавливала и встраивала в невозмутимый пейзаж, исчезнувшие сцены человеческой трагедии. Затем я заметил, что память ослабила хватку. Очевидно ее союзник – воображение – отказал в поддержке и тем самым лишил ее сил. Теперь эпизоды были бледными, а их появление все более предсказуемым, пока, однажды, я не обнаружил, что приближаясь к злосчастному виражу, сам взываю к своей памяти, требую воспроизвести события и жду "пассажира", которого всегда забирал на этом месте и вез остаток пути. Этим пассажиром было мазохистское наслаждение и от его дурной компании, дарующей мне ощущение уникальности моего

горя, было сложно отказаться. Сегодня я был готов оставить его на обочине, но возможно еще и потому, что злился на Брук, если можно сказать "злился", применительно к мертвому человеку. Скорее всего, вязкую смесь из сожаления и тоски разбавил новый ингредиент – досада.

До города я добрался раньше, чем рассчитывал и решил заглянуть в любимую лавку антиквариата. Мне нравилось приходить сюда к открытию, бродить среди этих, еще сонных, "сироток", переживших своих хозяев и оставшихся на попечении, а может брошенных за дряхлость или неприятные воспоминания в этот тесный приют. Я чувствовал себя среди них своим – таким же пережитком, сущностью, застывшей в более счастливых днях и только внешне отретставрированным для современности. Но в большей степени, я часто приходил сюда не столько из-за интереса к старинным вещам, сколько из любопытства, которое вызывал во мне хозяин лавки.

Кожа его лица имела странный оттенок или скорее легкий налет, словно он не мог свести с него патину бледности, а взгляд, когда-то голубых, а теперь немного выцветших глаз, выражал, казалось, только одно – безучастность. На приветствие он отвечал легким кивком головы, не более, никогда не предлагал товар, ничего не спрашивал сам, а если случалось отвечать на вопросы покупателей, то говорил кратко, медленно и неохотно, будто каждое слово причиняло ему страдание.

Высокий, рыжеволосый еще совсем не старый мужчина – мистер Джанксаллен, как гласила вывеска на магазинчике, казался менее одушевленным, чем его подопечные.

Мне доставляло удовольствие обращаться к нему с вопросами о товаре, заставляя его шевелиться. Я будто проворачивал ключик в старинной заводной кукле.

Частота моих посещений никак не сказывалась на поведении Джанксаллена, не сокращала дистанцию между нами. Я даже не мог быть уверен, что он отличает меня от других посетителей. Это одновременно и раздражало и подстегивало изменить положение дел.

Звончок на входной двери оповестил о моем очередном визите. Зная, что даже удесятеренная дружелюбность и самая широкая улыбка не способны повлиять на манеру приветствия антиквара, я скользнул по нему взглядом, слегка кивнул и не спеша устремился вглубь небольшого зала.

Я остановился возле пузатого серебряного кофейника, заносчиво вытянувшего изогнутый нос вверх, словно он пытался за напыщенностью и начищенностью скрыть одиночество и тоску по семье-сервизу, некогда насчитывавшую не менее двенадцати персон, каждую из которых жаловала своим вниманием титулованная особа.

Мне захотелось сбить спесь с этой вещицы, показать другую жизнь и я сосредоточенно осматривал кофейник, вертел его в руках, намереваясь купить, пока боковым зрением не уловил, что рядом со мной стоит мистер Джанксаллен.

На мой растерянный и удивленный взгляд он ответил испуганным и тревожным метанием глаз, а потом, спрятав их за приспущенными веками, сказал:

– Вам записка.

– Мне?! – вскрикнул я фальцетом, да так громко, что в этом тихом царстве неодушевленности каждый "житель" выразил немое негодование. – С чего вы взяли, что мне?! Вы же понятия не имеете как меня зовут.

– Мне это и не нужно, – прошелестел полушепотом мистер Джанксаллен. – Просили передать моему самому частому посетителю. У меня их не так много, точнее вы единственный, кто приходит в мою лавку с завидной регулярностью.

Я был ошеломлен и не решался взять записку из рук антиквара, совершившего ради этого невероятное усилие, разразившись такой длинной тирадой.

Послание было написано на розовой бумаге для записок, сложенной вчетверо. Джанксаллен держал этот крошечный сверток тремя пальцами, за самый краешек, будто боялся испачкаться. Он терпеливо ждал пока я наберусь смелости принять из его рук записку. Я нехотя

потянул за свободный краешек и положил ее в карман, решив, что прочитаю в машине, а не под пристальным взглядом хозяина лавки.

– Упакуйте, пожалуйста, этот кофейник, – попросил я мистера Джанксаллена.

Он проделал все молча и быстро. Холодно произнес "спасибо" и перестал обращать на меня внимание, однако мне показалось, что с его лица сошла привычная "пленка" и проступил легкий румянец – признак жизни, надежно скрываемый за непроницаемой стеной чопорности.

Я не спешил уходить, как бы ему этого не хотелось, а стал расспрашивать, как выглядел тот, кто передал записку.

– Я не знаю. Ее взяла моя жена. Признаться, я бы не стал, но...

– Жена?! – перебил я, не сумев скрыть удивления, но спохватившись добавил: – Можно с ней поговорить?

– Она ушла. Будет вечером.

– Тогда я заеду к вам вечером.

Вместо ответа антиквар пожал плечами, мол: "Воля ваша".

Я поспешил к машине. Не терпелось прочитать записку.

"Щеглом заливалась синица: – По перьям не судят, кто певчая птица!" -

читал я в пятый раз и все больше раздражался. Потом не выдержал, выругался вслух и сунул эту абракадабру в карман, решив отложить шарады и детективные истории, хотя бы, до обеда. Пора было ехать в офис.

V

Я немного устал от остросюжетности и потому, был рад войти в свой маленький, светлый кабинет, в котором все было знакомо, привычно, надежно.

С удовольствием и облегчением я опустился в кресло, включил компьютер и приготовился скользить по удобной, накатанной плоскости графиков, отчетов, планов, где уже за столько лет работы не встречал серьезных помех и чувствовал себя очень комфортно, но, видимо как раз поэтому, мой мозг, уловив неполную занятость, принялся подбрасывать работенку посложнее, возвращая мысли к загадочным событиям.

– Джадди, привет! – услышал я за дверью кабинета и, тут же, в нее вошла моя коллега Тэйт.

Она правда требовала, чтобы сотрудники звали ее Тэйя (так ей больше нравилось), но заслуженная репутация и вполне проверенные слухи помешали коллективу относиться к ней серьезно и выполнить, казалось бы, столь скромную просьбу. По несуществующему стовору, все намеренно продолжали твердо произносить ее имя, за спиной смягчая его до "Фэя".

Я частенько ловил на языке это заглазное имя, готовое сорваться, когда мне нужно было обратиться к ней и пока заменял его официальным, возникало что-то среднее между придыханием и заиканием.

Фэя, в силу наклонностей, воспринимала это, как застенчивость, робость и зажатость, из-за длительного отсутствия секса, а потому, при каждом удобном случае старалась меня "подбодрить", откровенно кокетничая, давая понять, что обиняки ни к чему и она вовсе не против.

Вот и теперь она прошла в кабинет, не дожидаясь приглашения и облокотилась на противоположный край стола так, чтобы улучшить ракурс глубокого декольте.

– Что делаешь в выходные? – спросила она.

Сам не знаю зачем, но я решил подзадорить ее и ответил, что буду кататься с друзьями на яхте. Фэя напряженно улыбнулась хищным, осторожным оскалом, выражая одновременно страстное желание заполучить добычу и опасение получить отказ. Ее межбровье запульсировало планом действий. Наконец, она произнесла, надувая губы:

– Найдется место для одинокой, безнадежно влюбленной женщины?

Мне стало стыдно за себя и больше не хотелось продолжать эту пошлую игру. К тому же, я вдруг вновь ощутил в руках шелковый поясok пеньюара.

Потирая большой палец указательным и средним, я нежно погладил это воспоминание о Брук и попросил Фэю оставить меня в покое.

– Импотент! – швырнула она мне, выходя из кабинета тяжелым, широким шагом.

Очевидно ее самолюбие, устав от потаскушьеi невзыскательности, наконец-то оскорбилось и вспыхнуло.

Около полудня позвонил Вилфорд. Он выразил опасение, что в яхт-клубе мы можем столкнуться с преследователем и не сможем ничего выяснить. Я согласился, удивляясь, что сам не сообразил сразу. Ни мне, ни Вилфу с Флер не стоило там появляться. Кто-нибудь нас обязательно узнал бы, а если тот парень еще и работает в клубе, тогда тем более не удастся получить о нем информацию. Нужен был человек, которого никто не знал бы в клубе, не лишенный артистизма, умеющий втираться в доверие и которому мы смогли бы доверить пусть не всю, но хотя бы часть истории.

– Не знаю что делать, – ответил я Вилфу. – Я ни с кем близко не общаюсь, кроме вас двоих. Поездку конечно стоит пока отложить, тем более, что вечером у меня есть одно дело в городе, после которого, я надеюсь, добавиться еще одна деталь. Может потом встретимся?

– Хорошо, Джадд, – проговорил Вилфорд сдержанным, официальным тоном, по которому я понял, что он уже не один и продолжать разговор ему неудобно.

Договорились созвониться вечером.

Несколько часов я еще пытался заставить себя поработать, но напрасно – думал я только о подходящей кандидатуре "шпиона-разведчика".

– Извини за беспокойство, – все еще с оскорбленной интонацией произнесла Тэйт, войдя в кабинет без стука. – Курьер принес это для тебя.

Она протянула мне пакет с документами, стараясь замаскировать конфуз за строгим выражением лица, достойным драматической актрисы, но маска чинности была ей не по размеру, потому, склонности сорвали ее легко и непринужденно – амплитудным покачиванием бедер при ходьбе.

Фэя эффектно вышла, а мне вдруг пришла в голову идея, что она именно тот человек, который нам нужен, но как и под каким предлогом уговорить ее шпионить для нас? Нет, Фэя не станет делать что-то для кого-то. Совершенно необходимо убедить ее, что это очень нужно ей.

Я решил, что справился с задачей наполовину, отыскав "актрису", а сценарий для Фэи оставил Вилфу. В конце концов, он лучше разбирается в людях.

Вечером, я, как и обещал, заехал к антиквару.

Мне показалось, что он посмотрел на меня участливее обычного, а затем, не произнося ни слова, прошмыгнул в маленькую узкую дверцу за конторкой. Ждать не пришлось. Почти сразу же дверца распахнулась снова и оттуда вынырнула маленькая, сухопарая женщина. Я не ожидал увидеть столь элегантную, хорошенькую, довольно молодую особу. Очевидно удивление отразилось на моем лице, потому что миссис Джанксален иронично дернула правым уголком рта, а протягивая руку для приветствия посмотрела прямо мне в глаза – снисходительно и немного печально.

Я поймал свое отражение в двух голубых "галактиках", опоясанных густыми ресницами и поспешил отвести взгляд, но он предательски скользнул вниз по фигуре миссис, так, что от смущения вынужден был оттолкнуться от носков ее туфель, отрикошетить от несуразного, дряхлого комода и остановиться на дверце, за которой произошла удивительная метаморфоза, превратившая непривлекательного мистера Джанксаллена в изящную, миловидную женщину.

– Эмма, – представилась она, возвращая мой взгляд к своему лицу. – Вы хотели меня спросить о записке?

– Да-да, – спохватился я, – точнее о том, кто ее принес.

– Молодой человек. Симпатичный, высокий, светловолосый. Я особо не запоминала его. Так, в общих чертах. Я сказала ему, что мне кажется странным, такой способ передачи сообщения, но он ответил, что всего лишь выполняет вашу просьбу и, поскольку вы наш постоянный клиент, я не отказала.

– Я ни о чем таком не просил. Он обманул вас и меня дурачит, – сказал я с такой досадой, что по Эмминому лицу пронесся вихрь эмоций.

Она опешила, встревожилась, а потом, за считанные секунды, приняла оборонительную позицию и строго спросила:

– У вас еще вопросы ко мне?

– Да, мне очень хочется задать вам бестактный вопрос, – выпалил я и в этот момент услышал свой голос со стороны, как чужой, принадлежащий какому-то бесцеремонному, нахальному типу.

– Я этот немой вопрос прочитала в ваших глазах, как только вышла в торговый зал. Поверьте я часто отвечаю на него, разными способами, но чаще всего молчаливым презрением. Люди хотят видеть равенство, забывая о том, что оно далеко не всегда проявляется внешне.

– Вы правы. Мне очень стыдно. Прошу прощения, – сконфуженно мямлил я, но она продолжила возмущаться.

Я понял, что причинил этой хрупкой женщине боль, напомнив о сомнениях в успешности их брака, которые, скорее всего терзали ее, а такие как я, подпитывали, укрепляли их и не давали от них избавиться.

Так я думал, и потому решил, что мужественно выдержу заслуженную взбучку за дерзкое, бестактное поведение, дослушаю ее внимательно и постараюсь, все таки, оставить о себе приятное впечатление, но она вдруг замолчала, прищурилась, слегка откинула назад голову, сделала шаг назад, словно снимала с меня мерку, а потом скрестила руки на груди, поежилась, нервно передернула плечами и тихо спросила:

– Вы не допускаете, что истинное положение дел может сильно отличаться от ваших выводов о них? Все судите о певчих птицах по перьям?

У меня внутри словно в гонг ударили. Едва сдерживая волнение, я спросил:

– Вы читали записку?

– Что?! – взвизгнула она так громко, что мистер Джанксаллен выскочил из своей каморки и быстрым шагом подошел к нам.

– В чем дело? – мягко поинтересовался он.

Эмма посмотрела на него нерешительно, но потом ответила:

– Я очевидно не к месту ввернула цитату, которую мистеру... Вы не представились, хотя это невежливо, я ведь назвала свое имя!

– Джадд, меня зовут Джадд. Простите я не хотел быть грубым, просто вы точно повторили содержание записки.

– Это строчка из стихотворения.

– Вот как? Вы не могли бы прочитать его полностью или назвать поэта?

Теперь лицо Эммы окрасилось смущением.

– Но, я не понимаю, – пробормотала она растерянно, – это мое стихотворение.

– Значит записку писали вы?

– Ничего подобного!

– Это стихотворение опубликовано где-нибудь?

– Нет.

– Как же все это понимать? – спросил я и вытащил из кармана смятый розовый лист. – Вот, может почерк покажется вам знакомым? – протянул я записку антиквару.

– Почерк мне не знаком, но мне кажется я могу объяснить это совпадение, – ответил он и надолго замолчал.

– Ну же! – воскликнули я и Эмма одновременно.

– Стихотворение опубликовал я, – прохрипел он, а затем, откашлявшись, добавил: – Точнее, когда-то я выгравировал несколько строк на обратной стороне основания статуэтки, которую долго не мог продать и вскоре после этого ее купили, – он опустил голову и снова замолчал, как будто с непривычки, так долго говорить, устал и ему требовалась передышка.

– Кто купил статуэтку? – спросил я и стал ждать подтверждения своей догадки.

Светловолосый каланча из яхт-клуба представлялся мне уже конченным злодеем и я готов был отменить план разведки и вступить с ним в рукопашный бой, набить эту наглуемую рожу, но мистер Джанксаллен снял паузу и пробасил:

– Ее купила пожилая дама. Давно. Это все, что мы можем вам сообщить. Вам пора.

Мне действительно пора было уходить, я чувствовал, что сегодня уже ничего не удастся от них узнать, но я попросил записать мой телефон и позвонить, если кто-нибудь из них вспомнит то, о чем забыл сейчас рассказать. Они оба поспешно, с облегчением и нетерпением согласились.

Я вышел на улицу и позвонил Вилфорду. Мы договорились о встрече в пабе и я поспешил к автомобилю. Мне не терпелось все ему рассказать.

– Нам не хватало пожилой дамы для ясности, – подытожил мой рассказ Вилф. – Послушай, антиквары ведь должны вести какой-нибудь учет, записывать покупателей?

– Я подумал об этом, но решил, что Джанксаллен откажется сообщать имя женщины и потому даже не пытался, к тому же, я впал в странное, несвойственное мне состояние крайней ажитации, вел себя дерзко, а потом чувствовал неловкость и стыд. Да и с момента покупки прошло несколько лет, женщина была пожилая... Черт, я слышал это четверостишие раньше и видел эту статуэтку! – воскликнул я и ощутил как от живота к горлу, к вискам и обратно циркулируют недоумение, воспоминания, домыслы, насыщая мою кровь подозрениями и страхом, от чего наступило состояние легкой контузии, длящееся неуловимое мгновение, но имеющее длительные последствия в виде тягостных размышлений, упаднического настроения и раздражительности.

Вялым, каким-то обессиленным, голосом я пояснил:

– Эту статуэтку купила моя мать.

– Но ведь она живет...

– Да, далековато от наших мест, но тогда она гостила у нас с Брук и помню, хвастала этой вещицей.

– Что это за статуэтка?

– Точно не помню. Какой-то человек, мужчина с большим кошельком или мешком с деньгами, но при этом он сам полуголый, завернут в римскую тогу. Похож то ли на скитальца, то ли на торговца. Он держит маленькую птичку, кажется щегла.

Я вспомнил, где читал эти строки, их я помню хорошо, а бронзовую фигурку – не очень.

– С большим мешком изображали Меркурия.

– Да-да. Теперь понятно почему он одет, как древний римлянин. А что по символике?

– Знаю только очень популярные факты, что Меркурий покровитель торговцев, искусства, астрологии, тайных учений, чего-то там еще, а, да, он сын Иллюзии и проводник в царство мертвых.

– А щегол тут причем?

– Ну может это связано с поверьем о том, что щеглы приносят хорошие вести, так же как и вестник богов Меркурий или Гермес у древних греков.

– Непонятно зачем нужно было гравировать стихотворение, которое никак не дополняет изваяние, а по мне, так вообще не соответствует ему? Вот поэтому я его и запомнил, только не сразу понял, почему текст записки кажется знакомым.

– Ты так и не показал мне записку. Я конечно с удовольствием выслушал описание миссис Джанксаллен, но думаю нам сейчас важнее разобраться с посланием, а не с прекрасной посланницей.

– Меркурий в женском обличье, – прыснул я.

– В этом что-то есть. Эта парочка торгует предметами искусства, статуэтка связана с твоей семьей, записку отдают именно им, в которой, как я понял, процитированы выгравированные строчки. Да покажи мне ее наконец!

Я достал мятый листочек, отдал Вилфу и наблюдал за ним, пока он читал.

– А еще Меркурий проводник в царство мертвых, – протянул задумчиво я.

Вилфорд посмотрел на меня своим особым, пронизывающим взглядом, а потом мягко, как пациенту, которого нельзя раздражить, заметил:

– Антиквары застряли на границе между царством мертвых и живых.

– Об этом я не подумал, я думал о Брук.

– Знаю, – остановил меня Вилф, – совершенно необходимо узнать полную версию стихотворения. Ты должен ее заполнить!

– Но она замужем?!

– Я имел ввиду полную версию стихотворения, – рассмеялся Вилф и я подхватил эти странные, рваные, наполовину человеческие, наполовину звериные звуки, выплескивающиеся волной безудержности и естественности. Я хохотал, все интенсивней и громче, просто так, позабыв уже о причине, вызвавшей смех. Вилфорд давно остановился, но моей истерике не мешал, терпеливо ждал пока она иссякнет.

Утерев слезы и почувствовав легкую тошноту, от переизбытка смеха, я остановился и выдохнул с облегчением. Мне действительно показалось, что я уменьшил вес происходящего, сняв с него доспехи, спаянные из громоздких сегментов прошлого и будущего, позволив обнажиться насущному, актуальному переживанию – влечению к женщине, живой женщине.

– Странная идет игра, – подытожил Вилф, возвращая мне записку. – Дело в том, что нам нужно определиться продолжим мы быть игроками или постараемся выйти из игры, если это возможно?

– По-моему поздно задавать этот вопрос. Нас втянули в нее без нашего желания.

Вилфорд посмотрел на меня удивленно и несколько смущаясь, что приходится объяснять элементарные, кажущиеся очевидными, вещи, спросил:

– Ты что же считаешь, что такое возможно?! Все о чем мы слышим, думаем, говорим – процесс, в который мы уже добровольно втянуты, даже если ты еще раздумываешь и сомневаешься. Безучастное участие – это оксюморон, мой друг.

– Ненавижу, когда разговор затягивает петлю и мне ничего не остается, как задохнуться от отсутствием возражений, – отшутился я.

– Я врач, Джадд и привык изучать следствие, пока не обнаружу причину, понимаешь? Если бы дело касалось только меня, я бы попытался разобраться в этой истории, но я не могу подталкивать к этому тебя, Флер, втягивать вашу Фэю. Мне кажется, что это может быть опасно!

– Помнишь ты дал мне совет не сопротивляться своим галлюцинациям, а "досмотреть" их, так сказать? Иначе я застряну между царством живых и мертвых, не так ли?

– Спорный вопрос, но если без философии и с точки зрения психотерапии – да.

– Так вот, каждый из нас должен понять почему, вдруг, всколыхнулось прошлое и пошло на наши жизни такой мутной волной? Кто за этим стоит? Оставить эти вопросы без ответа – значит решить жить в лабиринте, вместо того, чтобы попытаться найти выход.

– Флер сказала мне примерно тоже самое. Какой же у нас план?

– Пока я думал связаться с мамой и расспросить о статуэтке и стихотворении, узнать, что ей известно.

– Тогда я жду от тебя новостей, а до тех пор не будем ничего предпринимать. Мне пора. Флер переехала ко мне.

– Свершилось, – съехидничал я, почувствовав, как зависть и доброжелательность смешиваются во мне в вязкую жижицу.

«Что же это живет в нас людях? – думал я по дороге домой. – Странные пропорции! Неужели это и есть золотое сечение личности? Та самая Φ , даже своим видом утверждающая баланс сил; бесконечность, пересеченная вертикальной прямой, разделившей пространство на соотношения сторон, взвешивающая их на своих скругленных плечах, на которых, поэтому, так сложно удержаться скользким противоположностям, сползающим по ним в нулевую точку безразличного равновесия.

Как называлось то, что я ощутил по отношению к своим друзьям? Хорошо это, плохо, ни то, ни се?! Быть может имя этому – соразмерность, но для ее обозначения придуман знак процента, а он похож на растерявшуюся, съехавшую « Φ ». Испытываем ли мы хоть что-нибудь в чистом виде или на отрезке АВ всегда есть кочка С?

Похоже, что есть все таки лабиринты в которых придется остаться жить.»

Приняв душ, уютно устроившись в постели, убедившись, что время еще не слишком позднее, я позвонил миссис Бабкок – моей матери.

– Привет, Эви, – я всегда обращался к ней по имени и говорил "мама", только в ее отсутствие, уж не знаю почему.

Она никогда не пыталась это исправить, говорила, что так даже лучше – меньше условностей и статусов.

– Джадди?!

– Почему ты каждый раз, удивляешься моему звонку так, будто тебе звонит премьер министр в три часа ночи?

– О, все же не так сильно, ведь ты звонишь немножко чаще, чем он.

– Не начинай, Эви.

– Ладно, но правильнее сказать не продолжай, ведь я не могу не начинать уже то, что началось?

– Эви, как ты поживаешь?

– Если цель твоего звонка другая, прошу, не заходи издалека. Итак?

– Ну ты язва!

– Это ты хотел сказать мне перед сном?

– Нет. Вспомнил, что у тебя есть одна статуэтка, которая меня интересует.

– Какая? Ты же знаешь, я их коллекционирую.

– Кажется, Меркурий. Я не уверен... со щеглом.

– И что тебя так в ней привлекает? – настороженно поинтересовалась мама, но тут же, не дожидаясь ответа на свой вопрос, принялась пояснять: – Видишь ли, я показала статуэтку знакомому антиквару и оказалось, что фигурке около трех сотен лет! И это действительно Меркурий, об этом говорят крылатые сандалии, кадуцей, но вот щегол, который сидит на нем и который привлек мое внимание больше всего, когда я... покупала... статуэтку, добавлен к ней совсем недавно.

– Так и думал, – перебил я не в силах сдержать эмоции, – Жулик!

– Да ты дослушай, Джадд, – попросила Эви, – Когда мистер Эртон, мой знакомый оценщик...

– Да ладно, Эви, может просто Роланд? Я ведь все понял во время нашей последней встречи.

– Джадд! То, что он Роланд, не отменяет того, что он мистер Эртон. Не понимаю, какое противоречие ты тут находишь? Так вот, он обнаружил на лапке у щегла инициалы. Буквы совсем крошечные, он рассмотрел их только в увеличительное стекло, да и то, потому, что

снял птицу с жезла. Так бы никто и не узнал об этой детали. К тому же, щегол оказался гораздо более древним, чем "Меркурий" и происхождение его, судя по составу бронзы, не европейское.

– Удастся установить кому принадлежат инициалы?

– Мало вероятно, но Роланд увлечен исследованиями и поисками. Я сообщу тебе, если удастся, что-то выяснить.

– Эви, а ты не могла бы прочитать мне стихотворение выгравированное на подставке статуэтки?

– Погоди минутку.

Слышно было, как Эви открыла дверь кабинета и переставляла в шкафу фигурки своей коллекции, а я, мысленно, прошелся по родному дому вместе с ней. Как давно я там не был, как захотелось мне очутиться среди всех тех вещей, мебели и книг, которые были немymi свидетелями моего детства и юности, которые все еще хранили эпизоды каждого дня в деталях, о которых я давно позабыл. Они единственные наблюдатели самых искренних мгновений, когда я оставался наедине с собой, ведь это часто бывает такой тайной тайн, в которую можно посвятить только неодоушевленных очевидцев.

Хотя, неодоушевленными их сложно назвать. Один их запах, с огромной скоростью, переносил меня во времени, соединяя его разнополюсные концы, мощным разрядом, вдыхая в меня цельность и жизненность.

– Нашла, наконец! Шрифт очень мелкий. Искала лупу. Слушай!

«Щеглом заливалась синица:

– По перьям не судят, кто певчая птица!

Не делают аиста звонким певцом

Широкие взмахи белым крылом.

Однако, известно, что легкость пера,

Весомость вселяет в простые слова.»

Это все, Джадди.

– Это, скорее всего, лишь часть стихотворения. Я надеялся, что тебе известно продолжение или хотя бы причина, по которой его выгравировали на старинной статуэтке. Мне оно кажется неуместным. Не понимаю почему ты купила эти детали от разных конструкторов? Причем здесь Меркурий?!

– Мне кажется, что стихотворение больше относится к фигурке птицы. Если тот магазин, где ее купила... – она осеклась, а затем поспешила продолжить, – где я покупала статуэтку, все еще работает – тебе лучше узнать у них.

– Да уж. У них сложно что-то выпытать.

– Джадд, ты так и не сказал, почему интересуешься статуэткой?

– Я не статуэткой интересуюсь, а поэтом, точнее поэтессой, чье легкое перо нацарапало на трехсотлетней фигурке посланца богов свои простые слова. Ты мне очень помогла. Спасибо, дорогая Эви. Спокойной ночи!

– Удачи тебе, мой многострадальный сын. Мы с мистером Эртоном, Роландом, вскоре навестим тебя.

– Но... – начал было я, но мама предусмотрительно положила трубку.

VI

Сквозь сон я не сразу понял, что это мой телефон, так настойчиво пытается меня разбудить. Звонили с неопределенного номера, потому мое "Алло" прозвучало вопросительно.

– Доброе утро! Это Марк Джанксаллен.

– Мистер Джанксаллен, рад, что вы позвонили. Я собирался заехать к вам снова.

– У меня очень мало времени, прошу, дайте мне возможность объяснить зачем я вам звоню.

– Я слушаю.

– Эмма была против, но я считаю вы должны знать. Приходите вечером в театр. Я оставлю вам билет у охранника. Назовите мою фамилию. На этот спектакль полагается приходить в костюме или хотя бы в пиджаке. Начало в 19:30.

– Зачем?

– Увидите, – уже шепотом произнес антиквар и завершил разговор.

– Хорошенькая установка на целый день, – произнес я вслух, жалуясь самому себе, – не лопнуть до вечера от любопытства.

Я взглянул на часы. Было так рано, что я даже разозлился на Джанксаллена. Не столько из-за того, что он нарушил приличия столь ранним звонком, сколько из-за того, что уснуть мне конечно теперь не удастся и время ожидания увеличилось. Мой день до вечера пополнился несколькими беспокойными часами, которые я мог скоротать в зеркальной реальности сна, искривляющей привычный облик времени.

Валяться в постели не хотелось – интрига зарядила бодростью, сжала пружины нервной системы.

Я встал с кровати и выглянул в окно. Ночной цвет как раз начал линять от темно-синего до серого, кремового, розового, рассветного.

Как редко удается подсмотреть этот интимный момент, когда время обнажается, становится видимым, пока не подберет подходящий наряд для разного времени суток: пастельный утренний, насыщенный дневной, дымчатый вечерний, глубокий ночной.

Мне тоже не мешало подумать о подходящем костюме на вечер. Последний раз я был в театре года три назад, с Брук. С тех пор я больше ни разу не носил пиджак. Нужно хотя бы примерить его, посмотреть в каком он состоянии, найти его, для начала.

Я открыл свою половину шкафа, другой – пользовалась Брук и я только посматривал на створки, каждый раз, когда переодевался. Выбросить или раздать ее вещи я так пока и не решился.

Пиджака нигде не было. Я пересмотрел все отсеки – захламленные и еще хранящие намек на упорядоченность. Нашел давно неношеные вещи, некоторым обрадовался, как радуются при встрече со старыми знакомыми, с которыми давно не виделись и от которых рассчитывают услышать, что-то новенькое, свежее, но через короткое время понимают, почему связь с этими приятелями давно прервалась. Все эти вещи, были мне либо не по размеру, либо уже не в моем вкусе.

Пиджак был необходим. Без должного облачения в театр не пропустят. Одолжить у Вилфорда не получится – он носит одежду на пару размеров больше.

Может Брук упаковала его и повесила в своем шкафу? Она была очень опрятна и поругивала меня за неряшливость.

Я решился открыть ту часть шкафа, в котором хранил свой скелет.

Ничего особенного не произошло. Все причины, которые я находил до этого, чтобы не трогать одежду жены, показались нелепыми и надуманными.

Я провел рукой по свисающим с вешалок блузкам и платьям, едва касаясь, словно будил их от долгого сна. Они откликнулись легким шелестом и запахом залежалого.

Решив, что не дам волю сентиментальности, я стал целенаправленно искать пиджак, стараясь делать это бесстрастно. В конце концов, я увидел свисающий чехол для одежды и понял, что нашел то, что искал. Обрадованный находкой, я рванул плечики с перекладины слишком сильно. С соседних вешалок посыпалась одежда. Когда я возвращал ее на места – наткнулся на ветровку. Тонкая куртка показалась мне слишком тяжелой, к тому же, она не держалась на вешалке, левый карман явно перевешивал, из-за чего ветровка все время соскальзывала.

Я не без трепета сунул руку в карман куртки и извлек небольшую бархатную коробочку.

Значит Вилфорду не показалось и этот Светловолосый (как мы его окрестили, пока не узнаем настоящего имени), все таки, подсунул что-то Брук.

Я поспешил открыть ее. Там лежал маленький фрагмент, обрывок карты. Все, что можно было различить на нем – это голубую прожилку пролива, ведущего к острову, который я не плохо знал (именно там находился наш домик, который мы называли хижиной).

Первое, что полезло в голову – Светловолосый и Брук были любовниками, поэтому я со злостью захлопнул коробочку и только тогда заметил на крышке золотые буквы – «WGF».

Часы в гостиной отмерили восемь равномерных отрезков, сообщив мне, что я опоздал на работу.

– Вот и хорошо, – ответил я непримиримому, неумолимому распорядителю, отмеряющему каждому из нас фрагмент вечности своими ножницами-стрелами.

Я позвонил в офис и предупредил, что сегодня меня не будет, причем, проговаривал это безапелляционным тоном и пока директор возмущенно сопел, подбирая меткие слова для моего вопиющего поведения, я поблагодарил его за понимание и первый завершил разговор.

Как только я нажал сброс звонка, радость, воодушевление, чувство освобождения окатили меня приливом сил. Сколько значения люди придают работе. И ладно бы в смысле зарабатывания на хлеб насущный, но, по моим наблюдениям, этот аспект редко оказывался на первом месте.

Стремление, под соусом благовидности, замаскировать свою беспомощность, незнание, как и чем наполнить день, казаться нужным, полезным обществу, привлекательным, надежным хоть какими-нибудь полномочиями, оказаться вписанным в социальный круг, определить свое место в иерархии и только после этого оценить свое положение при помощи заработной платы, которая будет служить мерилем удовлетворенности или недовольства собственной жизнью. Кажется, вот, что такое работа. Вот почему так раздражают те, кто относятся, ко всему выше перечисленному, не столь серьезно и находят возможность, хоть изредка, взглянуть на социальный круг сверху, увидеть, что он больше напоминает конус, надежно выстроенную пирамиду из человеческих тел. Неважно, добираются такие люди до ее вершины или нет. Выпадая из прочной кладки, они подвергают риску все строение и могут быть жестоко наказаны за вольности.

Им придумано имя, тем, кто прогуливается около, пока другие рвут жилы. Их называют бездельниками, не замечая, что некоторые из них ткут, вокруг высушенного ветром и временем сооружения, особый покров, дающий тень, прохладу, защиту. Этот покров вечен, в отличие от хрупких пирамид из костей, поскольку соткан из нематериальных, а значит несокрушимых элементов.

Далеко не каждый замечает покров, но те, кто хотя бы изредка, поглядывают на него, назвали его Искусством, возможно потому, что способны восхититься искусностью творения, а может еще и потому, что некоторых он искушает ослабить хватку и немножко расшатать тесную кладку пирамиды.

Сегодня я решил разжать пальцы и отдохнуть, осмотреться повнимательнее вокруг, зная, что совсем скоро возникнет необходимость вернуться на "свое" место.

У всего свое место и, если вдуматься в изжеванную до безвкусицы фразу, попытаться освежить ее вкус осознанным проникновением в провозглашенную древнюю мудрость, то не останется места недовольству и осуждению. Тогда, иерархия существования станет свободным пространством, в котором можно будет найти точки соприкосновения материального и нематериального и побывать в них, больше не мучаясь выбором приоритетов.

Так я размышлял, снова валяясь в постели, машинально открывая и закрывая бархатную коробочку, пока не уловил, что уставился взглядом на сверток, лежащий на комод. Я не мог вспомнить, что это. Любопытство подняло меня с кровати, но едва я взял бумажный ком в руки, как вспомнил, что это купленный мной у антиквара кофейник. Я совсем забыл о нем. Захотелось его рассмотреть (дома вещи с нами более откровенны, чем в магазине).

Веревка, которой был связан сверток, была слишком прочной. Разорвать я ее не смог, развязать крепкий узел тоже. За ножом или ножницами идти было лень, тогда я решил разорвать упаковку по кусочкам. Крупные клочья летели прямо на пол, пока не показалась точеная серебряная фигурка кофейника.

Решив отнести его на кухню, чтобы вымыть и опробовать, я присел собрать разорванную обертку, да так и замер. На одном из клочков я увидел часть фотографии, на другом – фрагмент слова. Я стал собирать обрывки и восстанавливать целое. Совсем скоро стало ясно, что антиквар завернул кофейник в театральную афишу. Теперь я знал, что вечером меня ждет спектакль по пьесе Мольера «Амфитрион». Значит он пытался подсказать еще до моего разговора с Эммой, но поняв из него, что я не обнаружил подсказки – позвонил? Что такого в этой пьесе? На какие вопросы она ответит?

Вилфорду я решил позвонить вечером, после спектакля, в надежде к этому времени знать больше.

Раз уж я взял выходной, необходимо было куда-нибудь выйти, занять себя до вечера.

Позавтракав по-холостяцки – чаем – я отправился на прогулку по местным окрестностям. Бродил вдоль берега реки, скармливал чайкам старый хлеб, который специально прихватил из дому, забирался повыше, на холм, чтобы охватить взглядом общий вид ландшафта, останавливался подолгу возле самой кромки воды, позволяя ей облизывать носки моих резиновых сапог, пока я вглядывался в гипнотический узор течения. Созерцание, свежий воздух, неторопливость успокоили меня.

«В конце концов, есть и позитивный момент, во всем происходящем, – думал я. – С тех пор, как загадки стали вплетаться в размеренный, монотонный ход дней, у меня исчезли галлюцинации. Правда, прошло всего несколько дней, но я чувствовал, что во мне произошли изменения. Больше я не корил себя за смерть Брук, может поэтому она перестала являться мне каждый день, а может потому, что теперь от меня ускользнул тот образ, по которому я сильно скучал раньше, и возник другой – незнакомки, которой я опасался и потому не призывал, а скорее отгонял.

Мне было больно признаваться самому себе, что я толком не знал своей жены, что видел в ней просто партнера по совместному, приятному времяпрепровождению, главной заботой которого считал поддержание комфортного микроклимата в семье и думал, что заключил с ней соглашение надолго, позабыв о том, что оно может быть разорвано в одностороннем порядке, по разным причинам, но главная из них крылась в том, что каждый новый день происходит микро перерождение, не всегда заметное нам самим и незаметное вовсе, для других. Каждый раз нужно заново узнавать друг друга, чтобы не устареть и не исчезнуть для обновленной версии.

Так художник отличается от философа тем, что художник, поймав настоящее, запечатлевает его для будущего, как напоминание о прошлом, а философ сначала заглядывает в будущее, расшифровывает его при помощи прошлого и привносит в настоящее.

Почувствовав, что пора подкрепиться я направился на автобусную остановку, чтобы побыстрее добраться до любимой деревенской пекарни, где кроме свежей сдобы, кексов, пирогов, хрустящего хлеба, всевозможных запеканок и рулетов прямо из печи, предлагают также большой выбор сортов чая, который хозяин заведения заваривает сам, в лучших традициях, и никому не доверяет этот процесс. Я любил это место, его аромат, уютное маленькое помещение, в котором всегда было полно народу, но странным образом всегда хватало места на всех.

Особенно мне нравилось перекинуться парой слов с пекарем, Робертом. Пока он неторопливо, со знанием дела, наливал в чашку молоко и чай, то успевал подбодрить проголодавшихся посетителей не только вкусной выпечкой и согреть горячим напитком, но и находил теплые слова, подпитывающие, не хуже лакомств.

– Привет, Джадд, – приветствовал меня Роберт, превращая стол в цветочный луг, накрыв его скатертью в колокольчиках и расставляя, "мимикрировавший" под нее, чайный сервиз. – Я угощу тебя сегодня новым сортом чая, пироги только из печи, такие же румяные и свежие, как ты сегодня. Выбирай на свой вкус.

Я заказал Мелтон-Моубрейский пирог и стрескал его с таким удовольствием, что добавку получил за счет заведения, в награду за аппетит и непровольную рекламу.

Длительная пешая прогулка и сытный обед отняли много сил. В ногах и голове были одинаковые ощущения вязкости, грузности, немощности. Я решил посидеть еще немного у Роберта и, от нечего делать, принялся рассматривать других посетителей.

Внимание привлекла шумная компания. Четверо мужчин, довольно громко, что-то обсуждали. Какие-то фразы долетали до меня отчетливо, некоторые обрывками, но этого было достаточно, чтобы понять, что говорят они о модели корабля «Виктория» и об ее создателе – скульпторе Яне Бреннана.

Он был выходцем из нашего городка и многие жители гордились этим фактом, будто мастерство и слава земляка распространялись и на них.

В компании разгорелся спор между молодым, худошавым мужчиной с глазами на выкате, и пожилым господином с одутловатым, красным лицом.

Они спорили о том, сколько же скульптор провел часов за своей скрупулезной работой.

Двое других, не без удовольствия, наблюдали за конфликтом, по мере нарастания которого, пучеглазый все больше распалялся, тарасил глаза, словно хотел поглотить ими оппонента, а тот парировал повышенным тоном и одышкой. Было видно, что препирательство давно вынесло обоих за рамки интереса к моделированию, истории и уж тем более личности Яна Бреннана, поместив спорщиков в более комфортные условия – на уровень незначительности, которую только и способен уловить и понять посредственный ум.

Припомнив полное название корабля, которое пишется с особым префиксом HMS (корабль Ее Величества) я вдруг понял, где раньше видел буквы, вышитые на бархате корабельной – на одной из яхт, только там они были сплетены в вензель. Тут же меня пронзила догадка и я поспешил удостовериться в ее правильности. Я позвонил матери. Она подтвердила, что на бронзовом щегле были те же буквы.

– Роланду удалось, что-то выяснить? – поинтересовался я.

– Только предположения, Джадд. Если это инициалы, тогда буквы могут означать фамилию Голдфинч – щегол. Но это только теория, подогнанная под исходные данные. Роланд связался с несколькими людьми с такой фамилией. Все они отрицают принадлежность бронзовой фигурки их семьям. Дело нелегкое и небыстрое. Я позвоню, если что-то прояснится.

Мне пора было возвращаться домой. Я хотел приехать в город пораньше, так, чтобы успеть перед спектаклем встретиться с Вилфордом. После разговора с Эви я, все же, позвонил ему и предложил отправиться вместе к частному детективу. Он долго сопротивлялся, но потом согласился, что нам может понадобиться помощь, хотя бы в поисках Голдфинчей. Так что, мне нужно было поторопиться – переодеться и выехать.

Я дольше обычного задержался возле зеркала. Пиджак стал мне велик. Сзади он комично топорщился складкой, словно я припрятал там хвостовой придаток, но не покупать же мне было новый. Я не любил их носить (это часто становилось предметом спора между мной и директором). Этот, случайно попавший в мой гардероб реквизит для выхода в свет, был единственным, вымирающим, или, даже, судя по его виду, вымершим экземпляром.

Я принял решение надеть его только перед входом в театр, в случае крайней необходимости и упаковал пиджак обратно в чехол. Затем еще раз взглянул на свое отражение, скорчил сам себе рожу и тут же спросил того, "потустороннего", зеркального Джадда: «Что это с ним?»

Дело было в том, что захотелось пойти наперекор общепринятому правилу, нарушить дресс-код и спросить, с вызовом, тех, кто в моем воображении уже не пускал меня в театр: «Как, по их мнению, предмет гардероба влияет на восприятие искусства?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.